

Глава 1
**Вечер
в кругу друзей**

После ужина, как водится, заговорили о русской интеллигенции.

— Интеллигенция — совесть нации, — заявила Клавдия Петровна и обвела окружающих воинственным взором. Она слыла передовой дамой, писала для журналов статьи, носила золотое пенсне и говорила громким голосом даже тогда, когда в этом не было никакой нужды.

— Насколько мне известно, толковый словарь с вами не согласен, — с тонкой улыбкой возразил ее сосед Чаев, журналист консервативного направления. — Его авторы уверяют, что интеллигенция — люди умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в областях науки, техники и культуры, а также слой людей, который в этих областях работает. Ни о какой совести, как видите, тут нет и помину.

Его замечание передовая дама восприняла с явным неудовольствием.

— Толковый словарь — это, разумеется, прекрасно, но если мы говорим об интеллигенции, так сказать, в самом широком смысле, о ее предназначении...

— То есть о том, что вам угодно подразумевать под этим словом? — поддел ее Чаев. — Конечно, все мы слышали, что интеллигент в России больше, чем просто интеллигент, писатель — больше, чем просто писатель, и так далее. Воля ваша, но это чрезвычайно по-нашему, по-русски: создавать некие сакральные слова и присваивать им значение, которого они вообще-то не имеют. Вот сыр, к примеру, почему-то никто не пытается выдать за клюкву, и наоборот. Вы со мной не согласны?

Клавдия Петровна насупилась.

— Нет, и я считаю, что интеллигенция в любом случае должна быть совестью нации, — сухо сказала она. — Иначе совершенно непонятно, для чего... зачем...

Но эффектное завершение мысли никак не шло на язык, и передовая дама, досадуя на себя, изобразила пухлыми руками какой-то замысловатый жест.

— Совершенно с вами согласен, госпожа Бирюкова! — жизнерадостно поддержал ее бородатый поэт Свистунов. Николай Сергеевич тоже слыл личностью весьма передовой и даже беспокойной, особенно после двух рюмок водки. Каждого, кто соглашался слушать, он уверял, что именно из-за его взглядов косные редактора отказываются печатать его стихи. Впрочем, уныние Николаю Сергеевичу

было неведомо: чем чаще ему отказывали, тем больше он сочинял.

— Значит, мещанин или промышленник никак не может быть совестью нации? — с улыбкой спросил присутствовавший среди гостей промышленник Башилов, видный брюнет с холеной бородкой и выразительными глазами.

— Это даже как-то обидно, — вставил Анатолий Петрович Колбасин, сидевший напротив него. — К примеру, я по паспорту мещанин, хоть и работаю в театре режиссером.

— Ради бога, Анатоль, — вмешалась его жена, эффектная и все еще красивая, несмотря на годы, актриса Панова. — Никто и не сомневается, что ты настоящий интеллигент.

Произнося эти слова, она то ли с расчетом, то ли неумышленно покосилась на сидящего возле нее молодого актера Ободовского. Все знали, что он пользуется особым расположением Пановой, да что там расположением — он был ее любовником. В подобных ситуациях можно держаться по-разному и даже сохранять некую видимость пристойности, однако актриса, хоть и вроде бы не делала и не говорила ничего особенного, ухитрялась вести себя так, что даже слепой догадался бы о ее отношениях с томным красавцем-брюнетом. Заметив кокетливый взгляд жены, обращенный на соперника, ее муж потемнел лицом и отвел глаза.

— А что скажет наш достопочтенный хозяин? — спросил журналист.

Хозяин дома, беллетрист Ергольский, сочинявший развлекательные романы под псевдонимом «граф Делис», добродушно улыбнулся и развел руками.

— Полагаю, что по поводу интеллигенции будет сломано еще немало копий, — полушутя-полусерьезно заметил он. — Купечество, дворянство и чиновники существуют издавна, в то время как класс, именуемый интеллигенцией, появился сравнительно недавно.

— Не согласна, — пробасила Клавдия Петровна. — Послушать вас, так можно подумать, что у нас до последнего времени не водилось образованных людей...

— Такие люди есть во все времена, вопрос в другом — много ли их и каково их настоящее значение. Я, как вам известно, придерживаюсь мнения, что язык обладает способностью реагировать на все изменения в обществе; так вот, слово «интеллигенция» появилось именно тогда, когда стало ясно, что образовалась новая прослойка людей, которые не чиновники, не военные, не крестьяне и так далее. Они сами по себе.

— Гм, — молвил журналист, блестя глазами, — так граф Толстой, бывший артиллерийский офицер, не интеллигент?

При этих словах многие из тех, кто находился в гостиной, заулыбались.

— А вот тут мы подходим к очень серьезному вопросу, с какого именно времени человек может счи-

таться интеллигентом, — без всякой улыбки ответил Ергольский. — Являются ли интеллигентами студенты, как, к примеру, присутствующие здесь молодые люди, или нет? — Он кивком головы указал на Павлушу, сына актрисы, и его приятеля Сержа, которые тоже сидели за столом. — Считать ли интеллигентом самого скучного, самого узколобого, самого неприятного учителя гимназии, который не видит дальше своего носа, хотя сам вроде бы занимается умственным трудом? А почтивший нас своим присутствием Андрей Григорьевич, — он повернулся в сторону Башилова, — автор нескольких важных изобретений для промышленности, но все же более известный как фабрикант, — считать ли его интеллигентом?

— Не продолжайте, голубчик, — рассмеялся промышленник, — я уже понял, что мое дело сторона!

— Да уж, куда вам до нас, — подтвердил Свистанов, дожевывая хлеб, который он украдкой взял с блюда.

— Николай Сергеевич, ну что вы... Моя мысль состоит совершенно в другом: я считаю, что интеллигентом можно считать всякого, кто этого захочет. Пусть он будет крестьянин-самоучка, капиталист, рабочий — да кто угодно. Интеллигенция — не замкнутая каста, точнее, не должна быть таковой... — Ергольский повернулся к Чаеву: — Георгий Антонович, вы хотели что-то возразить?

— Что вы, Матвей Ильич, как я могу вам возражать, да еще после такого замечательного ужина! — Журналист приподнялся на месте и галантно

поклонился хозяйке дома, которая почти не принимала участия в разговоре и только переводила взгляд с одного гостя на другого. — Все, что вы говорите, в сущности, хорошо и правильно, только вот мой опыт говорит о том, что на самом деле подлинных, настоящих интеллигентов до ужаса мало. Все вроде образованные до чертиков, а кое-кто знает до пяти языков, в университетах учились, да-с! Ну и что с того? Почитайте-ка нашу публицистику, нашу критику, поприсутствуйте на дискуссиях так называемых интеллигентных людей — уверяю вас, вы сразу же заметите, что они смело дадут сто очков вперед любой базарной бабе. Клянусь вам, ни одна из этих особ в жизни не додумается до оскорблений, которые наши интеллигенты походя расточают друг другу, как только выясняется, что взгляды оппонента хоть в чем-то непохожи на их собственные. На словах, конечно, они призывают уважать чужое мнение, но на самом деле это означает, что все должны считаться с *их* мнением, а тот, кто осмелится им возражать, неуч, дилетант, злодей и вообще недостоин звания человека. До ужаса неинтеллигентны наши интеллигенты, вот что!

Его слова вызвали именно тот эффект, на который, по-видимому, и рассчитывал опытный журналист. Все, задетые за живое, заговорили разом.

— Простите меня, но отрицать интеллигенцию... — Это — Клавдия Петровна.

— А по поводу критики я с вами совершенно согласна! — пылко вскричала Панова, которая чисто

по-женски выхватила из потока рассуждений только ту мысль, которая была ей наиболее близка. — Эти рецензенты... что, в самом деле, они понимают в нашем искусстве?

— Но без рецензентов тоже нельзя, — заметил ее муж.

— Некоторых рецензентов вообще нельзя подпускать к театру, — возразил Ободовский, чтобы поддержать любовницу.

— Самое большое зло — это редактора, — доверительно сообщил Свистунов, наливая в рюмку водки. — Ни черта не смыслят в поэзии, а ведь мои стихи ничуть не хуже тех, что печатаются! — В его голосе звенела искренняя обида.

— Помню, как-то я взял на мой ревельский¹ завод директором одного чрезвычайно образованного господина, — сказал Башилов. — Пушкина цитировал так, что заслушаешься. «Евгения Онегина» — вообще наизусть шпарил целыми главами.

— Это Марков, что ли? — нерешительно спросила Натали, хорошенькая кудрявая дочь промышленника.

— Он, он, — подтвердил ее отец, блестя глазами. — Не успел я оглянуться, как он украл десять тысяч рублей.

— Нам бы ваши проблемы! — с притворным сочувствием вздохнула Клавдия Петровна, вытирая лицо платком.

¹ Ревель — город Российской империи (сейчас — Таллин).

Она шевельнулась на стуле, и тот протестующе закрипел. Передовая дама была весьма обширна и не без раздражения поглядывала на тоненькую, юную, очаровательную Натали, которая словно являла собой все то, чем Бирюкова никогда не была — и, увы, уже не будет.

— Кто будет еще чаю? — спросила хозяйка дома.

Оказалось, что все, и Ергольская, вызвав горничную Глашу, вполголоса отдала ей указания.

— Бабочка бьется о стекло, — заметила Натали, поглядывая в сторону окна.

Ее сосед Серж Карпов тотчас же поднялся, подошел к окну и пошире распахнул его, чтобы выпустить насекомое.

— Это мотылек, — сказал Башилов.

В саду стрекотали кузнечики, а в небе одна за другой зажигались первые звезды. Почему-то, хотя никто не осмелился высказать этого вслух, все почувствовали, что только что обсуждаемая ими волнующая тема потускнела, как-то скукожилась и перестала их волновать. Серж вернулся на место, и Натали поблагодарила его застенчивой улыбкой.

— Что вы сейчас сочиняете, Матвей Ильич? — спросила Клавдия Петровна у Ергольского.

Вопрос прозвучал скорее покровительственно — ведь Ергольский был представителем несерьезной литературы, а настоящий писатель должен говорить только о нуждах народа, при всяком удобном и неудобном случае порицать правительство и исповедовать исключительно передовые взгляды. Но Матвей

Ильич считал, что его дело — создавать для людей волшебные миры, а что касается правительства и народа, то они сами как-нибудь разберутся, что им нужно.

— Криминальный роман, Клавдия Петровна, — ответил хозяин дома на вопрос своей собеседницы. — Или, как говорят за границей, детектив.

— Как интересно! — воскликнула Натали. — А кого там убивают?

— О, множество людей! Во-первых, даму...

— Во-первых? Матвей! — укоризненно промолвил журналист, качая головой. — Я так понимаю, что по ходу дела у тебя наберется штук десять трупов...

— И не стыдно вам убивать женщин? — капризно спросила актриса.

— Романы — чепуха, — объявил поэт, косясь на непочатый графин с наливкой. — Вот стихи сочинить не всякий может!

— Ну, сочинить — дело нехитрое, а вот напечатать их не так-то просто, — съязвил молодой актер, улыбаясь Пановой.

Свистунов побагровел.

— Не могу сказать, что я много читаю, — заметил Башилов. — Но среди криминальных романов попадаются весьма занимательные штучки. И хочешь оторваться, да не можешь.

— А убийцу в конце разоблачат? — спросила Натали у писателя.

— Разумеется, разумеется, — заверил ее Ергольский, — как же без разоблачения!

— Конечно, — фыркнул Свистунов, — кто же станет читать про нераскрытое убийство... хотя в жизни таких убийств хоть пруд пруди!

— Не говорите чепухи, — сердито сказал хозяин дома. — В нашем уезде таких не было уже несколько лет.

Поэт заморгал, сторбился и сделал вид, что рассматривает скатерть.

— Как же вы придумываете свои убийства? — спросила актриса, кокетливо облокотившись о стол и со значением прищурившись.

По правде говоря, если и была на свете вещь, которую Матвей Ильич менее всего был склонен обсуждать, то ею являлась как раз творческая кухня, работа вдохновения — зовите как хотите. Ергольский и сам не очень хорошо понимал, как именно ему удастся выдумывать по несколько романов в год. К примеру, замысел его недавней книги пришел к нему, когда он услышал скрип колодезного ворота, чем-то поразивший его воображение; но поди объясни читателям, с какой стати этот самый обыкновенный, в сущности, звук так его вдохновил! И напротив, самый громкий, самый сенсационный процесс, о котором взахлеб сообщали все газеты, процесс, по поводу которого хороший знакомый Чаев мог сообщить массу конфиденциальных подробностей, имел все шансы оставить Ергольского совершенно равнодушным. Поэтому на вопрос актрисы писатель ответил:

— Вот так и придумываю, Евгения Викторовна. Просто сажусь и представляю себе...

— Кого? — с любопытством спросила Натали.

— Ну, кого-нибудь, — неопределенно отозвался Матвей Ильич.

— О! О! — воскликнула заинтригованная Панова. — То есть вы можете придумать... ну, не знаю... убийство любого человека?

— Теоретически — да, — ответил Ергольский.

— Это игра воображения, — вмешался Чаев. — На самом деле, конечно, никто никого не убивает.

— Ну разумеется, разумеется, — прогудела Клавдия Петровна. — Думаю, Матвею Ильичу придется постараться, чтобы все выглядело более-менее правдоподобно. Ведь на свете столько людей, которых никто не стал бы убивать.

— А вот тут вы заблуждаетесь, уверяю вас, — возразил журналист. — Правильно я говорю, Матвей?

— Да, убить можно любого, — твердо сказал писатель.

— Вы нас пугаете, — промолвил Колбасин со слабой улыбкой. — Так-таки — любого?

— Но ведь есть же совершенно безобидные люди, которым никто не захочет причинить зла, — заметила Клавдия Петровна.

— Почему же? Причина, чтобы убить человека, всегда найдется, — отозвался Ергольский.

— Я и не подозревала, что вы такой кровожадный. — Клавдия Петровна поджала губы. — Ну, раз так, то какая может быть причина, например, убивать меня?

— Ваше имение, — не моргнув глазом, объявил Ергольский.

— Имение? Матвей Ильич, воля ваша, но это мелко. Оно уже давно заложено и перезаложено...

— Ну да, ну да, — кивнул писатель, — но в один прекрасный день человек, который арендует у вас землю, обнаруживает там... ну, допустим, золото.

— Что за человек? — открыла рот передовая дама.

— Понятия не имею. Назовем его хотя бы Иванов. Так вот, Иванов понимает, что если вы узнаете о находке, ему мало что достанется. Одним словом, ему надо избавиться от вас, затем выкупить имение...

— Матвей Ильич!

— Клавдия Петровна, клянусь честью, это же вымысел! Поэтому не пытайтесь доказать мне, что вы не знаете никакого Иванова и что на вашей земле нет золота... И вот однажды, когда вы приезжаете из Москвы, Иванов ждет вас на станции, обещает подвезти... а потом, убедившись, что никто его не видит, душит вас веревкой. Я не знаю, как дальше будет развиваться повествование, — быстро добавил Ергольский, заметив, как сверкнули глаза передовой дамы, — но Иванов почти добьется своего, и тут его как раз разоблачит следователь. Конечно, следователь будет чрезвычайно умен и проницателен, потому что Иванов подстроит все так, что все улики будут указывать на ваших родственников... да вот хотя бы на Николая Сергеевича, — добавил писатель, указывая на поэта.

Свистунов, который действительно являлся дальним родственником Клавдии Петровны, вытаращил глаза и поперхнулся.

— Нет, не годится, — покачал головой промышленник, которого явно забавляло все происходящее. — Иванова заметят на станции и, как только начнется дознание, сразу же вспомнят, что это он встречал... гм... вашу героиню.

— Не вспомнят, — тотчас же нашелся Ергольский, — потому что Клавдия Петровна приедет ночным поездом, а начальник станции уедет на свадьбу к сестре, и на перроне никого не будет.

— Господи! — в изнеможении промолвила почтенная дама. — И чего вы только не напридумываете, чтобы сжить меня со свету...

Ответом ей был взрыв смеха.

— Клавдия Петровна, вы просто очаровательны! — объявил журналист. — Ну, а меня ты бы как убил, признавайся?

— Случайный выстрел на охоте, — отозвался Ергольский, мгновение поразмыслив. — Пуля, извлеченная из тела, не подходит ни под одно ружье тех, кто тогда находился в лесу...

— А дальше, дальше? — нетерпеливо спросила Натали.

— Дальше? Само собой, причина всему международный заговор против Российской империи. Георгий Антонович собирался разоблачить его в своей газете, за что и поплатился...

— Ну надо же! — восхитилась Панова. — Я настаиваю, чтобы вы убили и меня тоже. Только, пожалуйста, прошу не душить, потому что на сцене меня достаточно душили, — кокетливо добавила она.

Ее муж нахмурился и послал Ергольскому умоляющий взгляд.

— Тогда, пожалуй, я вижу вас в гостиной, обставленной благородной старинной мебелью, — вздохнул писатель. — В роскошном платье вы полулежите в кресле. — Актриса открыла рот. — Возле вашей правой руки, которая свешивается через подлокотник, на персидском ковре, которым покрыт пол, поблескивает револьвер с перламутровой рукояткой...

— О!

— Все сначала думают, что это самоубийство, но вскоре выясняется, что это не так, — вставил журналист. — Извини, я, кажется, раскрываю твои секреты... Прошу, продолжай!

— Само собой, начинают подозревать всех, кто находился в доме, — фантазировал Матвей Ильич. — Следовательно, образцовый, но туповатый служака, в тупике, ему кажется, что все от него что-то скрывают... Тем временем происходит второе убийство. Это... ну, допустим, служанка. Она что-то знала или видела... — Ергольский выдержал паузу и обвел взглядом лица притихших слушателей. — В конце концов выясняется, что причиной всему — театральные интриги. Некая актриса, которая считает, что вы заняли ее место и разрушили ее жизнь... в общем, она захотела отомстить и подослала своего любовника. Или сына, — задумчиво добавил писатель, — пожалуй, сын будет лучше, потому что я имел в виду опустившуюся актрису, которая живет только мыслью о мести...

— Нет, — твердо сказала Панова, — он меня не убьет, а только ранит. Я перетяну его на свою сторону, он раскается... А в пятом акте я воскресну и снова появлюсь на сцене. Выйдет прекрасная мелодрама, — добавила она, оживившись. — Матвей Ильич, миленький, а вы не хотите написать пьесу на эту тему?

— Я... право... — пробормотал Ергольский, теряясь.

— Муж сейчас занят своим романом, — пришла ему на выручку жена. — Но он обязательно подумает над вашим предложением!

— А мне, наверное, вы уготовили какую-нибудь скучную смерть, — заметил Башилов, пытливо глядя на хозяина. — Не видать мне ни старинной мебели, ни револьвера с перламутровой рукояткой...

Но Ергольский нашелся и тут, на ходу сочинив промышленнику смерть от укуса ядовитой змеи, присутствие которой объяснялось исключительно происками конкурентов. Мужа актрисы, тишайшего Анатолия Петровича, писатель отравил ядом кураре на Невском проспекте, ибо злоумышленница-горничная прежде всех прознала о том, что режиссер выиграл в лотерею 10 000 рублей золотом, и рассчитывала под шумок присвоить билет себе. Младшего Колбасина, который весь вечер почти не открывал рта, Ергольский объявил случайным обладателем государственной тайны и безжалостно сбросил с воздушного шара, дабы окончательно запутать следы. Красавца Ободовского, по версии Матвея Ильича, из